

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПИЛОТИРУЕМОЙ КОСМОНАВТИКИ (ОТЧЕТ О СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПОЕЗДКЕ ПО МЕСТАМ ТВОРЧЕСТВА ЛИДЕРА ФИЛОСОФСКОЙ «ЧЕТВЕРКИ» — ГЕГЕЛЯ)

С. В. Авдеев, О. С. Анисимов, К. Б. Бакенов

**German Classical Philosophy, Methodology and Problems of Manned Spaceflight
(Report on a Specialized Tour on Places of Philosophical Leader «Quartet» — Hegel Creativity)**

S. V. Avdeev, O. S. Anisimov, K. B. Bakenov

В период с 18 по 27 августа 2013 г. была осуществлена поездка в Германию по местам творчества лидера выдающейся философской «четверки» (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) Гегеля со специальной установкой. В составе группы были герой России, космонавт, кандидат физико-математических наук С. В. Авдеев, лауреат премии Президента РФ в области образования, доктор психологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы, академик РАН О. С. Анисимов и бывший руководитель налогового департамента области Актау (Казахстан), завершающий анализ инновационного опыта на материале управления департаментом К. Б. Бакенов. Состав группы неслучаен. В основе ее складывания было взаимодействие С. В. Авдеева и О. С. Анисимова, с одной стороны, и О. С. Анисимова и К. Б. Бакенова, с другой стороны.

Взаимодействие космонавта и методолога, лидера ММПК, Московского методолого-педагогического кружка (с 1978 г.), определялось активной позицией и осознанием проблем, стоящих в развитии пилотируемой космонавтики в России и в мире в целом, с одной стороны, и в развитии культуры мышления, в динамике оформления и практического применения результатов методологических разработок в России, ранее — в СССР, с другой стороны. Имея в своем активе три полета с общим временем пребывания на орбите чуть более двух лет, а также взаимодействие с обществом космонавтов в России и за рубежом, участие в деятельности различных звеньев инфраструктуры Роскосмоса С.В. Авдеев идентифицировался с позицией неформального лидера в совершенствовании механизма подготовки, отбора, обеспечения полетов и адаптации в послепилотное время участников полетов, всего комплекса Роскосмоса, заинтересованный в совершенствовании механизмов и росте осмысленности всей космической деятельности, в ответе на судьбоносные вопросы о предназначенности и пользе полетной деятельности. Интенсивность аналитической и предпроектной работы резко усилилась после подписания Президентом России установок на новый период космической деятельности и в рамках перехода от орбитальных полетов к длительным полетам и освоению иных планет, пробной отработкой иного механизма на материале освоения Луны. В связи с этим главным фактором осмысленности полетного цикла становится не столько перемещение на «территорию» иных планет, сколько достижение безопасности проживания полетных циклов, включая пребывание на этих планетах. В рамках установки на безопасность выделяется иной подход к организации всех работ, иная «полетная парадигма», так как в космическое пространство посылается представитель не конкурирующей, «воюющей» с таны, а человечества в целом, посылается не придалок средства решения инженерных или военных задач, а человек, включенный в решение проблем человечества в целом, продолжающий «земную» деятельность в иных местах космоса, расширяющий зону воспроизводимого бытия на расширенной «территории», а также являющимся мужем, сыном, отцом, другом и т.п. оставшихся на Земле.

Проявленность «здравого разума» и обычного профессионализма дополнилась новыми критериями оценки собственной творческой деятельности и деятельности отрасли, новым видением организации и самоорганизации в больших системах. Содержательность этих критериев и ориентиров была найдена в методологии, благодаря знакомству с О. С. Анисимовым и началом постижения новых перспектив в решении макроуправленческих задач и проблем с 2009 г. После пребывания на некоторых аналитических мероприятиях, организуемых в игровой форме и при использовании особых средств мышления, высших форм культуры мышления, в том числе в форуме в В. Новгороде, обсуждавшем подлинные причины мирового кризиса (2009 г.), в проблемном форуме, моделирующем принятие стратегических решений (2009, 2010 г.) и т. п. С. В. Авдеев пришел к выводу о необходимости методологизации, включения арсенала культуры мышления не только в учебные процессы, например, в МИФИ, но и в механизм всей работы Роскосмоса. Конкретные пути сближения возможностей методологии, в версии ММПК, и проблемного поиска в сфере Роскосмоса выявлялись в период 2010—2013 гг., в том числе при определении вкладов методологов в целое возможной «лунной программы» (в 2013 г.)

Специфическое направление в философии и логике, выделившее методологическое поле проблем, возникло в конце 50-х г. XX в. в СССР, сначала усилиями А. А. Зиновьева, а затем оформилось в работе группы мыслителей с

их лидером Г. П. Щедровицким (1929—1994 гг.). Введение новых акцентов в логических и философских разработках, обращенных к сущности мышления и его культурным формам, опираясь, в том числе, на ряд идей немецкой классической философии, прежде всего, Канта и Фихте. По сути переакцентировка с результатов постигающего и анализирующего мышления на анализ и моделирование механизма мышления повторяла переакцентировку, осуществленную Кантом, но на новом уровне, с учетом механизмов «живого» мышления в мыслекоммуникации, опираясь на рефлексивные ценности и строгость порождения критериев рефлектирующего мышления, в постановке и решении масштабных проблем. К концу 70-х гг выработалась критериальная парадигма и технологические стереотипы мышления как основа механизма развития любых систем, а с 1979 г. появился универсальный механизм моделирования постановки и решения задач и проблем, «организационно-деятельностные игры», ОДИ, выделившие этот тип организованности коллективных усилий в инноватике в основное направление, не имеющее аналогов в мире.

Новые, сложные формы мышления, создающие неограниченные возможности организации принципиальных проблемно-проектных разработок, способствовали пересмотру моделей типовой мыслительной практики и взглядов на типовые способности к мышлению, готовности к реализации новых технологических требований к мышлению. Это касалось как самих методологов, так и методологизированных специалистов, прежде всего, в управлении, аналитике, научных исследованиях, педагогической работе. Особенно ярко это проявилось после начала игромодельного этапа развития методологии, рефлексии мыслей действий игроков и игротехников (режиссеров-поставщиков). Необходимо было создать особые формы обучения культуре мышления для практического использования в наиболее сложной интеллектуальной практике.

О. С. Анисимов вошел в методологическое движение в конце 1971 г., имея опыт применения особого, разработанного им «метода» работы с текстами, письменными и устными и установку на применение идей Гегеля, оцениваемого как носителя высшего постижения и высшей самоорганизации в постижении сути любого предмета, носителя «абсолютного метода» и системы его обоснования. Заимствуя опыт методологических дискуссий, использования схем различных типов в оформлении версий и их качественной перестройки, систематического рефлексивного сопровождения мыслительных поисков О. С. Анисимов в середине 70-х гг. завершает оформление своего «абсолютного метода» работы с текстом. В его основе лежало три технологических слоя — конспектирование, применение схематических изображений, как средств решения мыслекоммуникативных задач и проблем, и применение схемы логики «восхождения» или «псевдогенетической дедукции», т. е. «абсолютного метода» Гегеля. В ходе экспериментального применения своего метода работы с текстом (МРТ) О. С. Анисимов придал особую оформленность корпусу базовых средств методологии («Азбука» 1979 г., 1999 г., «Методологический словарь» 2001, 2008). Изменениям подверглись и технологические стандарты мышления. Различия с результатами работ предшествующего сообщества методологов определялись различием приоритетов и в заимствовании идей немецкой классической философии (не Канта-Фихте, а Гегеля). Этим резко фундаментализировался сам практицизм, модели методологической работы и методологизированного мышления специалистов. Создав свое сообщество, распространяя применение новых средств и способов мышления О. С. Анисимов проводил и проводит эксперименты в образовании, прежде всего, в звене подготовки стратегов, стратегических аналитиков. Входя в творческое взаимодействие с С. В. Авдеевым, он увидел новые перспективы и в сфере пилотируемой космонавтики, если осуществить ряд модернизаций в подготовке, отборе, сопровождении и постполетной адаптации космонавтов, в организации исследований и управлении всем механизмом инфраструктуры Роскосмоса, в кооперативных отношениях на международном уровне.

Так как качество стратегического управления макросистемами, например, в космической отрасли, а также качество самоорганизации и взаимодействия в разных командах, экипажах, включая международные, зависит от применения критериев высшего уровня, выражающих знания о «сущности бытия», что было осознано еще во времена Конфуция, Платона, Сунь-Цзы и др., то практическая реализация такой идеи зависит как от наличия сущностных представлений о бытии, так и форм их технологического использования в мышлении, прежде всего, в критических ситуациях. О. С. Анисимов считал, что именно Гегель наиболее глубоко и обоснованно дал учение о бытии, учтя предшествующие усилия философов, а методология в версии ММПК дала технологические формы оперирования высшими критериями, знаниями о «бытии». Тем самым, возникла версия культурно-мыслительного альянса Германии и России. Тем более, что Германия великолепно демонстрирует высшие формы практической реализации рассудочного мышления, а Россия создает модели высшего уровня разумного мышления, хотя и в зоне лишь инновационных фундаментально-прикладных разработок. После согласования мнений с С. В. Авдеевым появилась идея применить «сдвоенные» возможности в космонавтике, привлекая инициативные силы в Германии и России, открывая «двери» для иных стран, например, Японии.

К. Б. Бакенов осуществил эксперимент инновационного характера в системе госслужбы с 2009 г. и, проведя анализ результатов, совместился с методологическим сообществом (в Казахстане — В. И. Цой, в России — О. С. Анисимов), увидел не только оправданность инновационных усилий, их перспективу, но и необходимость идти к качественной перестройке государственного управления, подготовке стратегов с опорой на методологию

ческие и философские основания. В процессе аналитического взаимодействия и освоения оснований появилось стремление глубже понять результаты немецкой классической философии и возможность их технологического использования. Поэтому он положительно воспринял идею специализированной поездки по местам творчества Гегеля.

Программа поездки включала посещение Берлина, Франкфурта на Майне, Штутгарта, Тюбингена, Нюрнберга, Йены и Ваймара. Начало поездки было связано с окончанием жизненного пути, посещением кладбища, где похоронен и Фихте, а также окончанием творческого пути в качестве избранного ректора Берлинского университета. Значительное место заняло посещение Штутгарта, где родился Гегель, и близлежащих значимых городов Тюбингена и Гейдельберга. Посещение Йены характерно сочетанием значимости местного университета и пребыванием там не только Гегеля, но и Шеллинга, Фихте. Там же Гегель общался с Гете. В Нюрнберге не были найдены внешние свидетельства пребывания Гегеля, но был посещен мемориал суда в 1945 г. Используя близость Ваймара от Йены участники посетили этот культурный центр с отдачей должного памяти и Гете, и Шиллера, и Баха, и Бетховена.

Посещение значимых мест, университетов, дома музея Гегеля дополнялось вечерними семинарами. На них обсуждались особенности культурно-мыслительного потенциала, воззрений Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, с одной стороны, проблемное поле современной космонавтики и пилотируемых полетов, с другой стороны, и особенности проблем управления макросистемами отраслевого и государственного масштабов, с третьей стороны. Дополнительно обсуждались перспективы совмещения достоинств мысли немецких философов прошлого, указанной выше философской «четверки», прежде всего, — Гегеля, с одной стороны, общего культурного и индустриального потенциала Германии, с другой стороны, российской методологической мощи, с третьей стороны, остатков потенциала космического комплекса России и его возможного совершенствования, достойного великой державы, при изменении управленческих ориентиров качества управления, в целом, с четвертой стороны. Тем более, что совмещение усилий в космонавтике имеет долговременные основы, интегрируя возможности всей европейской космонавтики в рамках новой парадигмы, космонавтики «с человеческим лицом», привлекательной для цивилизационно развитых стран, например, Японии. Вводился контекст такого проектирования будущего космической деятельности, где бы простейшее потребительство заменилось бы цивилизационным подходом, по-новому определяющего место экономической и иной прагматики в едином комплексе действий в космосе.

Докладчиком на семинарах выступал О.С. Анисимов. Он пришел к особой значимости для мыслящего человечества учения Гегеля еще в конце 60-х гг. Осознавая эту значимость, он долговременно занимался реконструкцией взглядов Гегеля, как и Канта, Фихте и др., включая Конфуция, Платона, Аристотеля, а также «Книги перемен» и иных истоков постановки и решения базисных проблем культуры мышления. Эти усилия завершились многими публикациями, включая наиболее близкие по тематическому полю поездки («Гегель: мышление и развитие», 2000; «Методология на рубеже веков (к 50-летию ММК)», 2004; «Методологическая парадигма (опыт ММПК)», 2007; «Метод работы с текстами (МРТ)», 2008; «Мышление и логика «восхождения»», 2008; «Мышление: модельные сюжеты», вып. 8 Философское мышление, 2008, вып. 20 «Абсолютный метод» и философское мышление, 2010; «Структура. Система. Метасистема», 2011; «Мышление: сущность и развитие», 2012; «Культура и духовность в мышлении стратега», 2012). Семинары предполагали не только изложение основных положений немецких мыслителей, но и активное обсуждение и соотнесение с проблемами интеллектуальной практики в сфере интересов С. В. Авдеева и К. Б. Бакенова.

Проблемное напряжение обсуждений было связано с рядом обстоятельств:

- неглубокое знание философского наследия, особенно Канта и Гегеля, в самой философской среде и среди методологов;
- неготовность аналитиков, стратегических управленцев и предметных ученых в различных секторах науки к серьезному отношению к идеям логиков и философов, к культурным рамкам в самоорганизации при постановке и решении проблем, к осмысленному, организованному применению абстракций как инструментов мысли, тем более высших абстракций;
- отсутствие значительной практики введения и применения схем, форм схемотехники в мыслительном процессе, в дискуссиях не только как относящихся к содержанию, но и как именно инструменты мысли, что предопределяет слабость языкового и семантического сознания и самосознания, без которого нет входа в культуру мышления и в логическое поле операций;
- неразличение уровней развитости интеллектуальной способности и разноразличности используемых форм мышления, что предопределяет «сплющивание» уровней абстракций и им соответствующих слоев в мышлении, прежде всего, в стратегической иерархии (региональной, отраслевой, интегральной для страны и для сообщества стран);
- неразличение «структурного», «системного», а в линии применения философских абстракций — «метасистемного» подходов.

В центре внимания было взято и положено различие «рассудка» и «разума», данное в работах Канта и Гегеля. Тем более, что специальный анализ, проведенный О. С. Анисимовым, показал тотальную «привязанность» ин-

телекоммуникационных технологий во всех сложившихся сложных аналитиках к «рассудочной» парадигме, вне использования возможностей «разумной» парадигмы («Стратегическое мышление: проблемы достижения разумного уровня», 2012). Тем более, что именно Гегель, благодаря псевдогенетическому подходу и «абсолютному методу», реализовал разумный подход, которому уподобился и Маркс («Псевдогенетический метод и экономическая онтология (версия Маркса», 2009). Именно в рамках разумного подхода был осознан мировой кризис в рамках средств цивилизационного анализа, выявлены проблемы цивилизационной безопасности («Цивилизационная безопасность: сущность и становление», 2008; «Мышление стратега: модельные сюжеты», вып. 22 Цивилизационная история: стратегический взгляд на истоки цивилизационного кризиса, 2011; вып. 28 Проблемы стратегического выбора: Россия в центре цивилизационного кризиса, 2012).

Тем самым, понимание проблем человечества, стратегического управления, в том числе в связи с переходом к надорбитальным, длительным полетам, перспективой освоения ближайших планет, само надежное стратегическое проектирование связывалось с внедрением разумной парадигмы, следовательно и «абсолютного метода» Гегеля, его онтологии «духа», следовательно и методологической технологизации высших форм мышления. Совмещение сил Германии и России может подготовить философско-практический, методологически обеспеченный прорыв в будущее для пользы всего человечества. Устаревшие стереотипы аналитического и управленческого, а также научно-теоретического, мышления в пределах рассудочной парадигмы должны быть самыми быстрыми темпами заменены новыми образцами, моделями, самосовершенствующимися механизмами разумного мышления.

Первая фаза обсуждения проблем немецкой классической философии была связана с различием созерцательного, в рамках механизма «уподобления» познаваемому объекту, этапа познания и рассудочного, вносящего конструктивность в соиздание знания и, что специфично для Канта, контекст априорности познавательных усилий. В качестве повода для обсуждения выступали как цитаты из «Критики чистого разума» Канта, так и сведения о том, что Кант, как позднее Фихте, Гегель, преподавали совмещаемые дисциплины — «Метафизика» и «Логика». Чтобы понять основу оппозиции «чувственность — рассудок» О. С. Анисимов приводил ситуацию работы понимающего текст и построение конспекта. В конспектировании совмещены функции и уподобления, и конструирования, включая и крайние формы — априорное конструирование. Подчеркивалось, что в процессе даже восприятия различены стадии как уподобления, так и конструирования, создания сенсорных структур. Более явно конструирование проявляется. Усложняющим фактором предстает зависимость между естественным конструированием сенсорной структуры, а также опосредствованными языком процессами конструирования в рассудке, с априорным принципом. Именно он лежит в основе метафизики, а все основные новации в мысли немецких философов связаны с внесением априорности, всеобщности, метафизических контекстов содержания и формы философской мысли. В Берлине обсуждение началось и продолжилось в Штутгарте. Дополнительно обсуждали роль метафизики и высших форм мышления в космонавтике, управления работой комплекса Роскосмоса, чувствительность к надпрагматическим аспектам в управлении как в России, так и в Германии и Японии. Тем более, что С. В. Авдеев активно обсуждал до поездки некоторые вопросы перехода к новой парадигме с коллегами из Германии и Японии, находя положительный отклик. Он даже пытался пригласить на семинары своих немецких коллег, с которыми летал над Землей, руководителей космических агентств Германии и Европы. Но все имели прикрепление к заботам конца лета и не смогли прибыть в места дислокации группы. Дискуссия затрагивала аспекты внесенности метафизических моментов в образовательный процесс для специалистов дифференциального и интегрального, управленческого типов, падение значимости общих и всеобщих знаний и, тем более, культурно возвышенных инструментов в профессиональной подготовке. Фиксировалось, что именно метафизические средства обеспечивают квалифицированный анализ проблем безопасности, включая проблемы здоровья как человека, так и макросистем, в том числе отраслей, страны, мирового сообщества. О. С. Анисимов использовал свои формы и средства такого анализа («Методология безопасности» 2009), в том числе концепцию «нечто» в универсуме и «метафизического ромба» («Мышление стратега: модельные сюжеты» вып. 11 Стратегический «спецназ»: проблемы становления. 2010). использовались и другие средства, включая понятие «страна» в рамках цивилизационного подхода («100 схем». 2013). Анализ с применением таких схем еще раз обострил внимание на общую проблему неготовности специалистов пользоваться метасистемными и более конкретными инструментами мышления, неизбежность вхождения в русло культуры мышления и специфику «абсолютного метода» («Схемы и схематизация: путь в культуру мышления» 2 тома. 2007).

Георг Вильгельм Фридрих Гёгел

В Штутгарте особое внимание было уделено появлению функции арбитра в коммуникации, позволяющей объяснить приход к начальным типам априорности, а при осуществлении арбитражной коммуникации — приход к позиции «метаарбитра», раскрывающей «феномен Сократа», а затем конструирования мира идей Платона. Тем самым, лучше была осознана причина прихода к метааналитике и метафизическому конструированию («Основы метааналитики» в 2-х т. 2007). Постепенно аспекты, характерные для Канта и Фихте, перемещались к аспектному ряду Гегеля, к вопросам развития духа, способностей к априоризму и содержательной дедуктивной работы мысли. Проблемы логики инициировали вопросы не только философской метафизики, но и связи психологии развития с достижением «абсолютного духа» по Гегелю («Сущность человека: проблемное поле». 2009). Метафизические контексты были связаны с вопросами здоровья, нездоровья, типологии нездоровья, болезней, псевдогенезиса заболеваний организма (человека, общества и т. п.). Использовались идеи метафизики Аристотеля и Гегеля, выраженные в «Философии духа» и «Философии природы», а также метафизики китайцев и индусов, имеющей прототипы в ведах ариев, наших предшественников. Для совместимости вопросов метафизики, логики с практикой управления и аналитики пришлось, по инициативе С. В. Авдеева раскрывать сущность моделирования, цикла переходов образа в модель, особенности пользы, приносимой моделированием. Тем более, что новая программа подготовки участников «лунной программы», которую хотелось бы апробировать с участием таких ВУЗ-ов как международный университет в г. Дубна, опирается на потенциал учебного использования игромоделирования в развивающей функции с участием процедур по критериям метафизики и «абсолютного метода» («Развивающие игры. Игротехника. Методология» в 2-х т. 2006; «Игромоделирование, игротехника, развитие». 2009).

В Рюгхайме у Кенигсберга обсуждали механизм мышления, цикл дискутирования, понятийное обеспечение мыслекоммуникации, вовлечение высших понятий, вопросы «содержания» и «формы» мышления на уровнях научного, философского, а затем и методологического мышления. Отдельно выделили вопросы предмета логики, типологии логик, специфики «чистого мышления», трансцендентальной логики и логики псевдогенеза, особенности канона «рассудка», «разума», особенности чистых форм мышления вообще. Появилась необходимость более подробного реконструирования пути развития духа, обсужденного Гегелем в «Философии духа» и «Феноменологии духа». В связи с этим были введены исходные схемы «познание», «акт мысли», «синтез предикатов», «типы синтеза» (по принципам «дополнительности» и «уточняемости» (псевдогенеза)). Раскрывались типовые акцентировки анализа объектов по слоям «в-себе», «для-иного», «для-себя» и «для-в-себе» бытия. Обсуждалось различие понятий и категорий, так как именно это различие характерно для «абсолютного метода» в его технологическом выражении.

В Йене обсуждение продолжилось и были введены фокусировки на разные статусы мыслительных средств, как графических (знаково-символических) средств, как идеальных объектов, отличающихся от индивидуального смысла. Без освоения подобных дифференцировок усложняется понимание механизма мышления в статике и динамике, а также понимание семиотических различий в парадигматике и синтагматике, понимание семантики в соприкосновении языкового механизма с механизмом субъективности.

При подведении итогов было осознано, что все сложные темы субъективно могут быть восприняты и освоены не столько в обычной коммуникации, даже при внесении в нее дискуссионности, а в игромоделировании, подчиненном проблемному полю теории мышления как рассудочного, так и высшего, разумного уровня.

26 августа усилиями Я. Пиалека, коллегам С. В. Авдеевым и О. С. Анисимовым удалось провести интервью с журналистом, специализирующемся на актуальных проблемах экономики и научно-технического прогресса — М. Ронцхаймером, давним приятелем Я. Пиалека. Его заинтересовала поездка и он хотел понять у С. В. Авдеева и О. С. Анисимова причины «странного» синтеза активного участника космических программ и лидера методологического сообщества, профессора Академии при Президенте РФ. С. В. Авдеев раскрыл ситуацию смены подходов к выполнению стратегических указаний Президента России, касающихся и пилотируемой космонавтики, пояснил инициативный характер выдвижения первой парадигмы и зависимость эффективного ее воплощения от внесения философско-методологических критериев в проектирование и реализацию проекта совместного участия самых разнообразных специалистов в системе Роскосмоса. Он акцентировал внимание на международном характере будущих действий космических агентств разных стран и идею общецивилизационного подхода к космической деятельности, опирающегося на высшие результаты в философском обеспечении и методологической организации всех сложнейших базисных и сервисных процессов, при преодолении эгоцентрических стереотипов стран, агентств и отдельных специалистов. О. С. Анисимов дополнил общую линию разъяснением значимости практической реализации философских идей лучших умов Германии и достижений методологической культуры мышления России, значимость взаимопонимаемого перспективного партнерства, могущего вести к совместному лидерству наших стран в космической семье в линии роста качества и разумности космической деятельности. Журналист понял, что дань уважения классическим философам Германии носит не только реконструктивный характер, но и как опора в построении будущей разумной мысли в космонавтике, и во всей цивилизационной практике человечества.